

КРИТИКА ОФИЦИАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ ВЫБОРОВ КАК ПОИСК АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Дмитрий Коренко

Введение

Целью данной статьи является попытка критического анализа *современной белорусской идеологии выбора*, используемой для проведения псевдodemократических выборов и обеспечения воспроизводства существующей государственной системы без изменений. Подобный критический анализ, на наш взгляд, не может иметь самодостаточной ценности, но должен намечать *эффективные альтернативные формы коммуникации и противодействия официальной идеологии*. Необходимость в альтернативной коммуникации, в свою очередь, диктуется тем фактом, что многие сегодняшние формы критики власти либо чрезмерно политически ангажированы, либо чрезмерно интеллектуализированы, что затрудняет критический разговор по существу на доступном широкому пониманию языке, не переходящему, разумеется, к популизму и профанации идей. В этом смысле данная статья в самой незначительной степени претендует на академический формат, но преследует цель разобраться в некоторых сложных понятиях и проблемах по возможности ясно и просто, так чтобы наметить перспективы осмысленного *альтернативного* (и минимально ангажированного) *политического участия*. Если позволить себе небольшой каламбур, то статья не претендует на открытие Америки в отношении анализа белорусской идеологии, но является попыткой открытия Беларуси для самих же белорусов.

На сегодняшний момент первостепенную важность, на наш взгляд, приобретает проблема *современной официальной белорусской идеологии*, которая является чем-то более сложным, нежели пропаганда, и поэтому не может быть сведена к вопросу умелого использования или монополизации средств массовой информации. Официальная идеология пытается монополизировать *символическое пространство политической борьбы*¹, в котором устанавливаются цели и смыслы конкретных политических баталий (например, избирательных кампаний), не изменяя при этом законодательство как таковое, но идеологизируя такие понятия, как «порядок», «законодательство», «демократия», «народ», «выборы», в результате чего смещаются определенные акценты в функциях избирательных механизмов, позволяющие получить предзаданные результаты при

сохранении видимости игры по общим правилам. Примеры подобной идеологизации, к которым мы обращаемся в данной статье, — телевизионное предвыборное выступление А. Г. Лукашенко, а также раздел «Идеология избирательных кампаний» пособия *Основы идеологии белорусского государства* (проф. Я. Яскевич). Впрочем, мы не склонны чрезмерно преувеличивать вес и значимость общеобязательных курсов в вузах и пособий по идеологии, однако в отношении избирательных кампаний данная идеология описывает, если не обосновывает довольно системно то, что происходит на практике в процессе избирательных кампаний, насколько я могу судить из личного опыта участия в последних президентских выборах в качестве независимого наблюдателя.

Проблема, которая представляется важной, — это отсутствие борьбы в поле белорусской политики за определение целей борьбы, или, если говорить проще, отсутствие *контридеологизации*, без которой надежды на достижение перемен в реальной политической борьбе, на наш взгляд, довольно утопичны.

Как мы постараемся показать, и это является основным тезисом данной статьи, за вышеуказанными общепринятыми и позитивными терминами («порядок», «выборы», «демократия» и др.), имеющими определенную юридическую силу, в действительности стоит ряд иных идеологий — *идеология порядка*, *идеология «большинства»*, *идеология закрытого выбора*, *идеология непринципиальности*, которые относятся не просто к области культурных или моральных вопросов, а имеют самое непосредственное отношение к законодательству и законности, что эффективно используется как для альтернативной политической коммуникации, так и в смысле оказания *противодействия* даже в рамках существующего правового поля (законодательства).

Выбор идеологий или идеология выбора?

Пожалуй, уместно было бы начать с того, что, по сути, любой выбор в условиях современных демократий идеологичен в том смысле, что выборы — это всегда выборы идеологий, представленных в предвыборных программах и рекламных кампаниях кандидатов или партий. Кто-то больше предпочитает либерально-демократические ценности, кто-то придерживается консервативных взглядов, кто-то борется за сохранение окружающей среды или прав меньшинств. Каждая из этих идеологий, будучи определенной, внутренне согласованной системой идей и ценностей, является, тем не менее, абсолютно объективной и единственно достоверной, поскольку так или иначе отвечает интересам определенной группы людей. Поэтому «свобода выбора», о которой так часто говорят, довольно иллюзорна и ограничена — это, так сказать, лишь *свобода выбора определенной идеологии*. Осмелимся предположить, что, вероятно, именно по этой причине часть (и все большая часть) людей вообще отказываются участвовать в выборах, избегая ангажированности и не поддерживая таким образом никого.

Все вышесказанное, как может показаться, относится и к белорусской ситуации. Однако подобное утверждение, на наш взгляд, глубоко ошибочно, поскольку белорусская ситуация радикально иная: здесь нет даже свободы выбора идеологий. Вместо этого на вполне официальном уровне заявляется и действует *идеология закрытого выбора*.

Идеология закрытого выбора, по нашему мнению, – это такая установка в отношении выбора и выборов, которая игнорирует фундаментальную важность соблюдения принципов. Белорусская идеология закрытого выбора, как нам кажется, реализуется на двух уровнях: 1) на уровне идеологизации самого выбора (например, плакаты из серии «За Беларусь») и 2) на уровне идеологизации выборов, т. е. самой избирательной кампании. Однако если первая форма идеологизации, по существу, допустима и практикуется даже в развитых демократических странах (где считается нормальным, что выборы – это выбор идеологий), то вторая форма идеологизации является чем-то гораздо более серьезным и, на наш взгляд, самым значительным, реальным образом влияет на результаты выборов. Более того, отметим, что в белорусском случае эти два вида идеологии оказываются тесно взаимосвязанными, усиливая действенность друг друга, что и обуславливает необходимость рассмотрения обеих форм. Взаимосвязь, как будет показано ниже, заключается в том, что обе идеологии являются формами *идеологии белорусской государственности*, или, что то же самое, *белорусской идеологии порядка*. Начнем наше рассмотрение с первой формы идеологии – *идеологии закрытого выбора*, которая наиболее полно и красочно отражена в серии биг-бордов (плакатов) «За Беларусь!», установленных в значительном количестве публичных мест г. Минска.

Идеология закрытого выбора: «За Беларусь!»

Оговоримся снова: на наш взгляд, плакаты из серии «За Беларусь!» *сами по себе* не оказывают прямого воздействия на аудиторию и не определяют непосредственно выбор избирателей во время избирательных кампаний, но являются частью более сложного идеологического механизма, который обуславливает *идеологизацию выбора во время избирательной кампании*.

Серия плакатов «За Беларусь», переполненных самыми положительными эмоциями и лозунгами, представляет собой *идеологизацию политического выбора*. Для раскрытия этой идеологичности вовсе не нужно выискивать наиболее слабый/сильный плакат, для того чтобы поглумиться над его содержанием. Все плакаты до одного, включая «За счастливую Беларусь», идеологичны. Почему и какую идеологию они выражают?

Идеология, которую выражает данная серия биг-бордов («За Беларусь», «За счастливую Беларусь», «Беларусь ЗА стабильность!»), может быть охарактеризована как *идеология закрытого выбора*, или, другими словами, *идеология определенного/конкретного выбора*.² За-

метим, что нашей целью здесь не является выдумывание понятий и ярлыков («закрытый выбор»), которые объясняли бы проблему только самим своим названием. В каком смысле данный выбор является закрытым и в чем его возможная опасность (или, возможно, даже преимущество)?

Закрытость подобного выбора обусловлена в первую очередь тем фактом, что это крайне определенный, конкретный выбор. Формально конкретика проявляется преимущественно в двух аспектах: а) утверждение четко ограниченной и всем понятной рамки (рамка «Беларуси»); б) утверждение максимально конкретных и позитивных понятий («стабильность», «независимость», «процветание», «счастье», «талантливость»). Вдобавок к этой формальной конкретике необходимо прибавить мощный эмоциональный аспект, который стоит за всеми понятиями. Например, быть «За Беларусь» содержит сильный патриотический посыл. Впрочем, вся эта игра чувств довольно понятна, и, используя понятие «закрытого выбора», мы не отрицаем важности этих чувств. Проблема, которую мы хотим обозначить с помощью данного понятия, заключается в другом.

Проблема заключается в том, что *ни один* из этих плакатов серии «За Беларусь» и «Беларусь за...» не содержит обращения к каким бы то ни было *универсальным* (всеобщим или даже просто общественным) *принципам и идеалам*, например: «за свободу», «за справедливость», «за равенство», «за солидарность» и т. д. Подобные принципы, как известно, на практике недостижимы, но именно о них постоянно говорят в связи с демократией. Действительно, стоит задуматься: не является ли тогда вся демократия абсолютной идеологией — призывом людей к тому, что *в принципе* недостижимо? Более того, не будет ли тогда более логичным, более правильным и антиидеологичным призывать людей к чему-то более конкретному и достижимому — например, быть за Беларусь, быть за стабильность и т. д.³ Пусть Беларусь будет просто сильной, независимой и процветающей. Зачем нужны еще какие-то принципы? Зачем их отдельно отстаивать — ведь это все равно абстракции и идеалы? Что такого ужасного может произойти, если мы вообще откажемся от принципов в пользу «процветания Беларуси»? Это крайне важные, на наш взгляд вопросы, на которые мы постараемся дать максимально четкие и ясные ответы

Итак, мы утверждаем, что именно подобная конкретность выбора («За Беларусь!», «За стабильность» и т. д.), как ни странно, и является идеологизацией выбора, а не освобождением от идеологии. Идеологизация заключается в том, что тот порядок вещей, за который нам предлагают выступать («за стабильность», «независимость», «процветание» и т. д.), абсолютизируется как принцип и, более того, согласно современной белорусской идеологии, *вообще не предполагает никаких других принципов*, на которых должно основываться современное белорусское общество и государство. Ниже мы попытаемся критически рассмотреть три вида логически возможных (и давно ставших реальными, однако, думается, в разной степени для разных

категорий людей) последствий, которые, на наш взгляд, прямым образом вытекают из официальной идеологии закрытого выбора.

Абсолютизация позитивного порядка

В случае лозунга «За стабильность», к примеру, идеологичность заключается не в ложности самой стабильности или возможности/невозможности стабильности в обществе, а в том, что стабильность выдается *за принцип*, т. е. абсолютизируется (как абсолютная стабильность). В отличие от подлинных принципов (например, принципа равенства), которые имеют лишь абсолютную степень, «стабильность» означает определенное состояние, которое может быть относительно (более или менее) стабильным и поэтому не может быть принципом. Важно также понимать, что есть существенное различие: одно дело – проводить реальную социально-экономическую политику, направленную на поддержание определенного баланса, стабильности в обществе, и совсем другое дело – призывать *за* стабильность и возводить стабильность, процветание во всеобщий принцип. Именно это «ЗА» (когда «ЗА» появляется в качестве официального общественного призыва, а не личного выбора или реальной политики) и означает абсолютизацию понятий, состояний как принципов. Чем, опять-таки, опасна абсолютизация даже просто в логическом смысле?

Абсолютизация означает, что то или иное понятие/состояние начинает мыслиться в категориях бесконечности и, таким образом, достигает своей логической крайности! Поэтому крайности – это не результат чьих-то ошибок во время реализации (исполнения) абсолютизированных идей (понятий), а самым закономерным образом логически вытекающие следствия абсолютизации понятий. Проще говоря, в случае со стабильностью обратная сторона, крайность, прямо вытекающая из абсолютизации, заключается в абсолютном исключении движения и динамики, образно говоря – в исключении жизни. Данный момент, на наш взгляд, (интуитивно?) грамотно визуализирован в одном из сатирических альтернативных плакатов, размещенных в интернете, где фоном к лозунгу «за стабильность» выбрано кладбище⁴.

Проблема эффективности подобной критики, однако, заключается в том, что образность подобных карикатур, весьма ярких и оригинальных, здесь является одновременно и преимуществом и недостатком. Недостаток проявляется в том, что критические образы начинают восприниматься именно как образность, метафора, как условность, исключение, случайное отклонение, не нарушающее общего правила. Другими словами, они лишь на интуитивном уровне дают почувствовать официальную идеологию выбора, но не могут аргументированно и системно показать, в чем заключается принцип подобной идеологии и как это создает *идеологию закрытого выбора* в целом. Эффективная стратегия критики подобных абсолютизаций, на наш взгляд, заключается в указании сторонникам «за стабильность» на тот факт, что крайности *неразрывным образом* связаны с абсолютизированными понятиями! При этом желательно найти наиболее остро

воспринимаемые крайности в данном обществе: кладбище в этом смысле является оригинальным, но недостаточно контекстуализированным примером.

Самоизоляция общества

Другая возможная опасность — *изоляция общества* как от самого себя, так и от других (демократических) обществ. Гордость за страну (патриотизм), стремление к развитию потенциала своей страны и процветанию своего общества *в отсутствие выраженной установки на какие-либо принципы и их реальное соблюдение*⁵ в действительности являются формой самоизоляции общества от других со-обществ, которые организуют существование, воспроизводство и взаимодействие на основе принципов. Подчеркнем, что изолированность (закрытость) скорее проходит по линии общества, нежели государства. Кроме того, нам представляется, что политическая изолированность государства не связана прямым образом с изолированностью общества. Иначе говоря, формально государство поддерживает отношения с другими государствами, но само общество остается изолированным/закрытым.

Принципиальная невозможность смены порядка

Третья возможная опасность подобной идеологизации заключается в том, что социальный и политический порядок, который не основывается на (универсальных) принципах, делает, прошу прощения за тавтологию, принципиально невозможным иной/новый демократический порядок. Это обусловлено тем, что демократический способ смены политического порядка (власти), как будет показано ниже, возможен только в условиях, когда принципам отводится первостепенная важность и обеспечиваются реальные механизмы их соблюдения. Проще говоря, только *установка на важность соблюдения принципов и реальные механизмы соблюдения этих принципов делают борьбу за власть демократической и открытой, т. е. доступной для всех сторон (включая самих же избирателей)*. Забегая вперед, скажем, что соблюдение принципов и создает возможность свободы в рамках порядка. В противном случае открытая борьба за власть попросту невозможна, и порядок всегда будет определяться закрытым источником власти. Где же находится этот закрытый источник власти в белорусском случае?

Ответ опять же лежит на поверхности. В данном случае — на поверхности плакатов из серии «За Беларусь». Если внимательнее присмотреться к этим плакатам, то становится понятно, что «Беларусь» употребляется в двух взаимодополняющих смыслах: Беларусь как государство и Беларусь как страна (общество). Такие определения, как «сильная», «независимая», «стабильная», скорее относятся к Беларусии-государству, тогда как «счастливая», «процветающая», «талантливая», «самобытная» — к Беларусии-стране (обществу). Запомним, что власти крайне выгодна эта двусмысленность Беларусии как

страны и как государства, поскольку она позволяет совместить две, по сути, конфликтные группы интересов.

В случае с Беларусью-страной/обществом, как мы уже отметили, нет ни малейших признаков того, что *в обществе* происходит открытая борьба за власть, поскольку единственное условие, при котором общество участвует в подобной борьбе, — это наличие *общих, как для государства, так и для общества*, принципов. Именно об этих общих принципах и предпочитает не упоминать официальная идеология. Какие принципы можно найти на плакатах «За Беларусь» или услышать в официальных заявлениях представителей белорусской власти?

Показательно, что в случае плакатов с «Беларусью-государством» также не содержится указаний на то, что власть должна быть только у государства, вместо этого используются косвенные признаки — «сильная, стабильная, независимая Беларусь». О необходимости власти для государства не говорится напрямую по той простой причине, что *власть и так уже находится* под контролем государства. Задачей идеологии является, таким образом, заставить забыть о том, что власть как раз изначально принадлежит всем, точнее народу⁶, а еще точнее обществу⁷, т. е. каждому гражданину. Смысл плакатов заключается в том, чтобы представить Беларусь-государство в качестве единственного источника реальной власти и порядка и, замалчивая важность общественных принципов, придать борьбе за власть *закрытый и изолированный от общества* характер.

Здесь вполне уместно следующее возражение: плакаты, возможно, и создают *идеологию закрытой борьбы за власть*, но ведь фактически в стране регулярно проводятся выборы — значит, борьба за власть все-таки «открыта», а не «закрыта». Возможность побороться за власть все-таки имеется. И это уже проблема кандидатов, насколько широкую поддержку они смогут получить. Вот если бы выборов не было совсем, тогда можно было бы говорить, что борьба за власть является закрытой.

Действительно, как отмечалось вначале, мы не утверждаем, будто бы идеология, выраженная плакатами «За Беларусь», является единственным и достаточным фактором, который определяет выбор избирателей. Идеология закрытого выбора, представленная на плакатах, содержит лишь *возможную опасность*, она только, если прибегнуть к метафоре, подготавливает почву для закрытой борьбы. Наше дальнейшее утверждение таково: *борьба за власть может иметь закрытый характер и в условиях проведения выборов*. Условием этого является то, что сами выборы должны проходить в условиях идеологии закрытых выборов. *Закрытость выборов, в свою очередь, обеспечивается идеологией внутренних избирательных механизмов*, которые будут рассмотрены более подробно в следующем разделе.

В заключение хотелось бы попытаться кратко представить основную мысль раздела в виде варианта следующего диалога (и модели альтер-

нативной политической коммуникации) с воображаемым сторонником «За Беларусь»:

– Скажите, ваш выбор – за Беларусь? (*Или: Скажите, вы – за Беларусь?*)

– Да, конечно!

– Но ведь это вообще не политический выбор!⁸ Политический выбор – это выбор принципов, на которых должно основываться общество (государство). За какие (общественные/политические) принципы для Беларуси вы выступаете?

– Ну, за стабильность.

– Но стабильность – это не принцип, а состояние! (Тем более вы его абсолютизируете.) Давайте тогда будем выступать еще и «За любовь!» или «За высокую демографию!». За какие *принципы* для Беларуси вы выступаете?

– Ну, я не знаю... (И действительно: а какие принципы предлагает нам власть?)

Итак, «ЗА (общие) принципы!»

Закрытые выборы как идеология порядка

Об *идеологической закрытости* выбора в белорусском случае можно также говорить и в другом смысле, а именно в смысле идеологической закрытости *выборов* – самой избирательной кампании. Закрытость здесь не означает буквальную закрытость избирательных участков для голосования или лишения определенных категорий населения права голоса. Идеологическая закрытость выборов обеспечивается благодаря другой, вполне официальной, идеологии – *идеологии порядка*. *Суть идеологии порядка в отношении выборов заключается в том, что процесс выборов – этот решающий этап в жизни общества – представляется всего лишь как элемент общего целого, как элемент системы, как часть общего порядка.* Проведение выборов, следовательно, сводится официальной идеологией лишь к *процедуре* в рамках порядка, к правилам и инструкциям в рамках законодательства. Подкрепим наш тезис следующими примерами

Первый пример взят нами из предвыборной речи бывшего кандидата в президенты А. Г. Лукашенко, который заверял нас в надежности выборов следующим образом: «Как глава государства гарантирую, что выборы пройдут в полном соответствии с нашим законодательством. Они будут не менее честными и открытыми, чем в любых других странах, которые нам ставят в пример».⁹

Второй пример взят из раздела «Идеология избирательных кампаний»¹⁰, где основная информация, относящаяся к организационному аспекту избирательных кампаний, сводится к описанию простого механизма: «проведение выборов *обеспечивается* государственными структурами – избирательными комиссиями, органами власти, судами, ответственными за создание организационно-правовой инфраструктуры избирательной кампании» (с. 121), – которое сопро-

вождается отсылкой к избирательному кодексу РБ для желающих ознакомиться более подробно с тонкостями избирательного процесса. Однако обо всех других – равноправных – участниках избирательной кампании – командах кандидатов, местных и международных наблюдателях¹¹, прессе и публичности – нет ни одного слова!

Главное, однако, заключается в том, что в обоих примерах, представляющих официальную точку зрения, нет ни малейшего упоминания о *принципах*, согласно которым должны проводиться выборы. *В действительности, для того чтобы выборы были честными и открытыми (и демократическими), они должны проводиться в соответствии с принципами и только с ними*, а не в соответствии с установленным порядком (законодательством), о чем должно быть прямо и недвусмысленно заявлено.

Неправильной и идеологической поэтому является сама попытка гарантии честности и открытости выборов путем сравнения «честности и открытости выборов» в Беларуси с выборами в других демократических странах. Для того чтобы выборы были «честными и открытыми», равняться в данном случае надо не на порядки в других странах и не на законодательство, а в первую очередь на *принципы*, поскольку само законодательство основано на принципах (в первую очередь на *принципе равенства в обществе*). Принципы универсальны и предполагают равную доступность, тогда как законодательство (порядок) – всегда свое, местное, и легко может монополизироваться определенными структурами. Принципы не могут быть относительными (ведь принцип относительности, например, не означает относительности самого принципа), а вот порядки (и законодательства) – всегда относительны и несовершенны, поэтому их можно и даже удобно сравнивать.

Открытость выборов означает установку на соблюдение принципов, а не законодательства, поэтому открытость, о которой говорит А. Г. Лукашенко в процитированном отрывке, в том числе и «открытость для сотрудничества», означает нечто другое, не имеющее никакого отношения к открытости выборов. Именно это *отсутствие намерения, отсутствие установок*, не говоря уже о реальных механизмах, *соблюдать какие-либо принципы* и позволяет нам говорить об идеологии порядка как идеологии «правильных» выборов (или, по-другому, идеологии *непринципиальности* в отношении проведения выборов).

Почему же так важна ориентация на принципы и к каким последствиям ведет уклонение от проведения открытых выборов? Другими словами, в чем *реальная опасность* (в противоположность *возможным опасностям* идеологии закрытого выбора, о которых шла речь в предыдущем разделе) идеологии «правильных» выборов?

Важность *установки на принципы* определяется тем, что принципы являются универсальными категориями, и поэтому по определению никто не может монополизировать над ними власть. Именно эта ориентация на соблюдение принципов придает борьбе за власть открытый

характер, причем проверка/контроль соблюдения принципов доступна даже самим избирателям (например, избиратели имеют право участия в выборах в качестве независимых наблюдателей), так что, по сути, борьба за власть открыта для всех участвующих сторон, в том числе, если не прежде всего, для самих же избирателей. В этом и заключается смысл открытости выборов.

Если же выборы проводятся в соответствии с установкой на порядок (законодательство), как об этом заявлял бывший кандидат в президенты А. Г. Лукашенко, то вполне естественно, что контроль над выборами получает *тот и только тот*, кто обеспечивает сам порядок. А в белорусском случае, как подсказывает профессор Яскевич в процитированном выше отрывке, это государство и государственные структуры, что и обуславливает закрытость выбора на практике.

Мы хотим подчеркнуть, что тонкость и неопределенность ситуации в условиях *идеологии порядка в отношении выборов* заключается в том, что выборы не являются *ни открытыми, ни, что также важно, закрытыми*. В выборах по-прежнему можно участвовать и голосовать. Однако в нашем случае это промежуточное состояние между открытостью и закрытостью выборов, наверное, и можно лучшим образом охарактеризовать как «правильное», т. е. как следование правилам и распорядку, где каждый занят *своим* делом, где у каждого есть определенная работа, а именно: члены избирательных комиссий выдают избирателям бюллетени, наблюдатели (если они есть) наблюдают, милиция охраняет, избиратели приходят, голосуют и уходят. Нельзя сказать, что здесь вообще не соблюдаются принципы (чаще всего, кстати, их не соблюдают сами же избиратели, точнее, они имеют о них весьма смутное представление, особенно те, кто голосует впервые), просто дело совсем не в них. Здесь каждая сторона вполне добросовестно выполняет *свою часть работы, предписанную порядком*, забывая об *общем и главном смысле* действий каждой стороны, выполняющей свою работу. Проблема заключается только в том, что *вопрос соблюдения всех необходимых принципов является второстепенным* по отношению к главному действию — заполнению избирателями бюллетеней, выбору кандидата и объявлению окончательного результата (как будто выборы — это игра в футбол или лотерея). В результате возникает идеологизированное разделение труда¹² участников избирательного процесса, производящее лишь иллюзию подобия демократическим выборам, но в действительности устанавливающее такие (закрытые) правила игры, которые ведут лишь к предзаданному результату.

Если все же попытаться провести аналогию между белорусскими выборами и футболом, то основная проблема заключается не в том, что судья подсуживает одной из команд, а в том, что судья, не объясняя правил, объявляет начало игры, в которой с определенным перевесом выигрывает одна из команд. Однако в конце игры, после ухода зрителей, судья объявляет игрокам, что это была игра в ирландский футбол, поэтому дополнительно засчитываются все те мячи, которые

пролетали над воротами, что еще больше увеличивает отрыв в счете. В новостях же сообщается, что изначально это была игра в ирландский футбол и объявляется ее результат. Во что будут играть футболисты и какую игру будут смотреть зрители в следующий раз?

Можно, таким образом, сказать, что в условиях официальной белорусской идеологии порядка/процедурности все мы, кто принял участие в голосовании, сделали «правильный» выбор, но не в смысле выбора «правильного» кандидата, а в том смысле, что наш выбор был совершен в рамках определенных законодательством *правил, процедур и порядка*, а не в условиях соблюдения принципов, причем официально даже не была озвучена установка на соблюдение принципов. Чего же еще хотеть от представителей соответствующих государственных структур, а также от избирателей, если главное лицо страны не считает *вопфос соблюдения принципов* первостепенным и вообще обходит его вниманием?

И все же:

«За открытые выборы!»

Демократические выборы – «власть народа» или принцип большинства?

Развивая соображения, высказанные в предыдущей части, мы попытаемся показать, что *демократичность выборов и волеизъявление большинства населения* – это никак не связанные между собой понятия. Мы утверждаем, что в силу того факта, что в выборах приняло участие 90 или даже 100% населения, из которых пусть даже те же 90 или 100% проголосовали за одного из кандидатов, выборы еще не могут считаться демократическими. Более того, если нарушено одно важное условие, то результаты выборов вообще ничего не означают. Значение их может быть в таком случае только *идеологическим*, но не *демократическим*. Мы также уточним, в чем заключается важность *демократического смысла выборов*.

Данное утверждение как бы противоречит здравому смыслу, согласно которому чем больше проголосовало людей, тем более демократичными являются выборы. Поскольку считается, что выборы и референдум – это форма непосредственной демократии, т. е. когда каждому, в соответствии с древнегреческой моделью всеобщего участия, предоставляется возможность выразить свое мнение относительно того, какой должна быть власть. Именно сам момент всеобщего избрания власти и позволяет, как кажется, говорить о демократии как власти народа, как власти, выбранной народом. Впрочем, все при этом прекрасно понимают, что окончательный результат выборов и назначение конкретной власти определяется тем, за кого проголосует *большинство*, поскольку всем не угодить, а двух кандидатов нельзя выбрать. Главное условие демократичности выборов заключается в

том, чтобы у каждого полноправного человека страны (зарегистрированного избирателя) была возможность проголосовать, т. е. чтобы никто не отнимал у человека право голоса.

В противоположность подобной логике рассуждения, связывающей демократию и большинство, наш тезис звучит так: *демократия (демократические выборы) – это не власть большинства. Демократия – власть (на основании) принципа большинства.*

Разница этих определений не просто формальная, но фундаментальная. Именно в интересах современной белорусской идеологии (да, вероятно, любой другой авторитарной идеологии) приучить людей к простой формуле демократии: выбирает каждый, но выигрывает тот, за кого отдаст свой голос большинство, – такова объективная необходимость. До тех пор пока есть очевидное большинство (как говорится, 83 из 93% никуда не спрячешь, т. е. даже если эта цифра и преувеличена, то ненамного, и мы все равно продолжаем верить в существование большинства), вопрос о принципе большинства рассматривается задним числом. Иначе говоря, можно в буквальном смысле сказать, что то, каким образом получается «большинство», для многих людей абсолютно неприципиально в сравнении с *фактом* большинства (какая разница, говорим мы, если за некоего X все равно большинство). *Принципиальность*, однако, играет в демократических выборах ключевую роль.

Принцип большинства – это всего лишь один из ряда принципов (принцип тайны голосования, принцип прозрачности процедуры подсчета, принцип равенства), соблюдение которых в совокупности и выражает *демократичность выборов*. Именно соблюдение всех этих принципов *в момент выборов* и является проверкой общества на демократичность. *Если все необходимые принципы действительно соблюдены, то уже неважно, за кого проголосовало большинство*, поскольку все остальные (иногда этот «остаток» в совокупности также может быть большинством, но, конечно, не в белорусском случае) получают *реальную гарантию (а не обещания о гарантии)* защиты своих прав в дальнейшем после победы «большинства». Принцип большинства, таким образом, ни в коем случае не должен нарушать самый фундаментальный принцип – *принцип равенства* («большинство» = «меньшинству», $99\%=1$ – такова краткая формула демократии).

Если же принципы не соблюдаются, или, как в белорусском случае, *изначальная установка на принципы игнорируется уже на официальном уровне*, то мы получаем диктат или идеологию «большинства»¹³ над «меньшинством» под видом демократии. Краткая формула подобной идеологии такова: $83\% > 9\%$, тогда как реальное соотношение: $83\%=0$.

Нетрудно сделать вывод, что именно последний вариант – диктатуру идеологического «большинства», а не диктатуру определенной личности, диктатора, – мы и имеем сегодня в Беларуси. Данный вывод представляется нам довольно важным, поскольку уж слишком часто ярлыки «диктатура» и «диктатор» навешиваются на белорусскую

политическую систему оппозицией и воспроизводятся в упрощенной форме в западных медиа. Сложность белорусской ситуации состоит в том, что «диктатура» здесь получается (формально) демократическим способом: формальным наличием всех демократических процедур и стандартов, а прежде всего — наличием самой системы выборов.¹⁴

Проблема, таким образом, заключается в том, что изнутри ситуация для многих белорусов выглядит *относительно* демократической (т. е. есть формальные атрибуты, но что, возможно, важнее, есть целостная *система* и *желание* быть демократией), и, более того, именно *относительно* демократической представляют белорусские СМИ ситуацию в других западных странах, тогда как с точки зрения западных стран и западных ценностей ситуация в Беларуси выглядит *абсолютно* недемократической и безоговорочно определяется как диктатура.¹⁵ Первоочередная проблема, однако, заключается в том, что в Беларуси, благодаря работе официальной идеологии и отсутствию эффективной контридеологии, нет понимания или осознания того, что *относительной демократии как принципа не бывает*. Принципы, *если они вообще есть*, не могут быть относительными: они либо соблюдаются, либо нет. Если же принципов нет, то в действительности проигрывают все — и «*большинство*»¹⁶ и «*меньшинство*», за исключением тех, кто определяет правила игры.

«За принцип большинства!»

Заключение

В заключение хотелось бы в краткой форме затронуть еще один важный вопрос, связанный с идеей демократии и белорусской идеологией порядка. В общих чертах — это вопрос *соотношения свободы и порядка*. На сегодняшний момент, как нам представляется, данные понятия маркируют противоположные позиции: идеология «свободы» (новой) оппозиции против идеологии «порядка» официальной власти. Напряжение между данными понятиями и позициями заключается в том, что, с одной стороны, власть представляет *свободу как беспорядок* и, в конечном счете, анархию и беспредел, тогда как оппозиция представляет *порядок как «режим», «диктатуру», «тоталитаризм»*. Думается, что подобное противопоставление понятий не совсем точно и ставит проблему выбора слишком радикально — как выбор между порядком и свободой («или порядок, или свобода»), вынуждая политически активную часть населения занимать (или не занимать вообще) лишь крайние позиции и сужая пространство для альтернативных (оп)позиций. Для разработки *альтернативной политической коммуникации*, на наш взгляд, необходимо предложить такое понимание *свободы*, которое не только не противоречит идее порядка, но скорее поддерживает и усиливает ее. В свете вышесказанного о важности установки соблюдения принципов в рамках демократии представляется возможным предложить следующее определение (политической)

свободы: свобода — это порядок, основанный на принципах (прежде всего, на принципе равенства). Исходя из этого, определенное оправдание получает протест *против нарушения принципов выбора*, а не протест против результатов выборов как таковых (как это интерпретировал в своем выступлении бывший кандидат в президенты А. Г. Лукашенко¹⁷), поскольку протест против нарушения принципов является формой восстановления порядка, а не формой беспорядка.

Резюмируя все вышесказанное, хотелось бы заметить, что, возможно, кому-то покажется, что представленные в тексте рассуждения можно свести к одному — к оправданию оппозиционных протестов и призыву к участию в новых протестах, поскольку государство систематически нарушает принципы. Наша позиция — позиция *альтернативной политической коммуникации* — все же иная. *Ответа и противодействия требуют официальная идеология выбора, идеология порядка и идеология «большинства», суть которых заключается не в непосредственном нарушении принципов, а, скорее, в игнорировании их, замалчивании важности или сведении принципов к процедурам, максимально добросовестно выполняемым государственными органами.* Более того, необходимо осознавать, что сопротивление системе порядка лишь усиливает идеологию порядка. Выигрыш власти обеспечивается, вплоть до сегодняшнего момента, не столько широтой поддержки («народностью»), а тем, что она продолжает играть по своим собственным правилам, делая, однако, вид при помощи различных идеологических механизмов, что играет по общим (демократическим) правилам.

Кроме того, в наших критических рассуждениях мы далеки от идеализации выбора в пользу принципиальности и полного отказа от «закрытого» выбора (в вышеуказанном смысле идеологии самого выбора, но не идеологизации избирательной кампании) в рамках *альтернативной политической коммуникации*. Неизбежным и необходимым компромиссом, на наш взгляд, является *поиск оптимального соотношения между универсальными принципами и адекватными контексту конкретными предложениями.* Разумеется, что вопросом, не имеющим заранее определенного теоретического ответа, является вопрос о том, что такое «оптимальное соотношение» и «адекватность контексту». Для поиска ответов на эти вопросы и необходима, на наш взгляд, альтернативная политическая коммуникация, нацеленная в белорусском контексте, в первую очередь, на деидеологизацию выбора и выборов.

Примечания

¹ Под символическим пространством борьбы имеется в виду то, что П. Бурдьё говорит о борьбе в поле науки, впрочем, это работает и в любом другом поле, особенно в поле политики: «определение целей борьбы является целью борьбы» (см.: Бурдьё П. *Поле науки* // В кн.: *Социоанализ Пьера Бурдьё*. СПб.: Алетейя, 2001). В политике целью борьбы является борьба за власть, но это также означает и борьбу за определение того, что такое власть. С помощью идеологии власть и пытаются вести подобную борьбу за определение власти, которая, на наш взгляд, до сих пор никем серьезно не оспаривается.

- ² Логика определения «закрытого выбора» как партикулярного, т. е. конкретного/определенного выбора частично основывается на проблематике соотношения частного и общего и рассуждениях С. Жижека о значении пустых означающих в политике (*Zizek S. Prospects of the Radical Politics Today*. In: O. Enwezor et al (ed.) *Democracy Unrelied. Documenta11_platform1*. Hatje Cantz Publishers, 2002. P. 67–86) и тезисе Я. Торфинга о том, что «метафизические иерархии, которые ставят в привилегированное положение универсальное или частичное, обнаруживают себя как политические или идеологические попытки фиксации неразрешимой игры между универсальным и частичным» (см.: Torfing J. *New Theories of Discourse: Laclau, Mouffe, Zizek*. Blackwell, 1996. P. 168). Однако в данной статье мы пытаемся показать, что в отличие от многих западных постструктуралистских теорий, критикующих универсализм, в белорусском случае подобного универсализма как раз таки не хватает, впрочем, до определенной степени, а не взамен партикуляризма.
- ³ Конкретика, как известно, всегда имеет в глазах избирателей большую ценность, нежели абстрактные идеалы и принципы. Именно от того, насколько конкретна программа определенного кандидата, за *что конкретно* он/она выступает и *какими конкретно* методами собирается достичь своих целей, во многом зависит предпочтение избирателей. Именно этот язык конкретики, стоит признать, является коньком белорусской власти (от указания конкретных размеров средних зарплат к конкретным срокам до конкретики идей в отношении развития общества и государства), и этому языку, по нашему мнению, вообще-то следует поучиться для разработки эффективной альтернативной (оппозиционной) политической коммуникации, впрочем не копируя его и не ограничиваясь им.
- ⁴ Данный пример можно было бы развить и дальше – показать египетские пирамиды в пустыне и мумии фараонов, что содержало бы дополнительную отсылку к правителям сравниваемых обществ.
- ⁵ Следует, пожалуй, признать, что один принцип, которому часто придается статус значимого, по крайней мере в рамках международных отношений, в Беларуси все же есть – это «принцип взаимовыгодного сотрудничества», что, на наш взгляд, тесно сближается с понятием «национального интереса». Однако кто же решает и каким образом обсуждается то, что соответствует «национальному интересу», а что нет? Думается, что прерогатива определения того, что соответствует «национальному интересу», по-прежнему принадлежит государству, закрывающему/изолирующему таким образом общество от самого себя, от возможности решения белорусским обществом (образовательной средой, системой здравоохранения, культурными институциями и др.) собственно того, что же обществу действительно *необходимо и выгодно*.
- ⁶ Данное утверждение, на первый взгляд, противоречит тому факту, что власть любит обращаться к «народу». В действительности противоречия нет, поскольку «народ», к которому обращается власть, – это лишь идеологическое «большинство», тогда как власть принадлежит каждому, и в том числе «меньшинству», имеющему абсолютно равные права с «большинством». Именно проблему «меньшинства» власть пытается систематически и идеологически игнорировать. Собственно, этой проблеме посвящены следующие разделы статьи.
- ⁷ Мы предпочитаем использование понятия «общество», поскольку понятие «народа» уж слишком чрезмерно отягощено идеологическими смыслами как официальной риторикой, так и оппозиционной. Для *альтернативной политической коммуникации* вообще, на наш взгляд, необходимо отказаться от использования категории «(белорусский) народ».
- ⁸ Следует, конечно, признать, что истинность определения: «Политический выбор – это выбор принципов» – в действительности спорна. Вводя подобное определение, мы, во-первых, хотим ввести саму проблему выбора как политического выбора и, во-вторых, заставить собеседника (оппонента) реагировать в соответствии с рамкой заданного определения политического выбора. Важной здесь является риторическая убедительность определения – краткое, осмысленное и

содержащее налет научности/философичности. Однако использующий подобную тактику должен все же продумать и дополнительные аргументы в пользу данного определения или найти другие способы, чтобы поставить перед собеседником проблему выбора и принципов.

⁹ См.: *Телеобращение А. Г. Лукашенко от 17.03.2006*: <http://president.gov.by/press10319.html>.

¹⁰ Яскевич Я. С. *Основы идеологии Белорусского государства*. Мн.: ТетраСистемс, 2004.

¹¹ Следует, конечно, честно признать, что в процитированной выше предвыборной речи А. Г. Лукашенко уделяет внимание местным и международным избирателям, но странной и неясной является формулировка их деятельности: «Уважаемые наши гости! Вам созданы все необходимые условия для работы (какой работы? – Д. К.). Вы видите, что мы открыты для конструктивного сотрудничества. Единственная просьба – не превышайте своих полномочий! Наблюдайте (за чем? – Д. К.), делайте выводы. Но не решайте за нас!» То, за чем же именно наблюдают наблюдатели и с какой целью, так и остается загадкой для зрителя/читателя.

¹² Здесь также можно было бы говорить об идеологическом разделении социального видения: то, что видно центральной избирательной комиссии, не видно всем участковым комиссиям; то, что видно участковым комиссиям, едва заметно для наблюдателей; то, что видно наблюдателям, не видно избирателям, поскольку последние предпочитают увидеть результат на экране, нежели на своем собственном избирательном участке. По крайней мере, таков личный опыт независимого наблюдения на последних выборах автора данной статьи.

¹³ «Большинства», которое получается исключительно путем не-принципиальной («правильной») процедуры выборов, а не того большинства, о котором часто говорится как об «электорате».

¹⁴ Например, А. Г. Лукашенко относит к показателям демократии численность кандидатов: «Тот факт, что в нынешней избирательной кампании участвуют четыре кандидата, – это тоже показатель демократии в стране. Другое дело, что некоторым из нас еще надо учиться политической культуре». (См.: *Телеобращение А. Г. Лукашенко от 17.03.2006*: <http://president.gov.by/press10319.html>.)

¹⁵ Впрочем, мы не склонны к тому, чтобы принимать данную позицию Запада некритически. Ведь всегда можно задаться вопросом: не является ли «диктатура» в Беларуси поводом для того, чтобы избежать разговора о внутренних проблемах демократии на Западе? Важно, однако, при подобной (альтернативной) критике Запада все же не усиливать идеологическую критику, которой занимается белорусская пропаганда.

¹⁶ Действительно, у «большинства» поводов быть уверенным в том, что власть будет отстаивать его интересы/права, не больше, чем у «меньшинства». В этом отсутствии реальных гарантий для всех нам видится возможность придания критике официальной власти общезначимого характера, а не замыкающей и изолирующей критики с позиции «меньшинства» для самого же «меньшинства».

¹⁷ Ср.: «Отдельно должен сказать о соблюдении общественного порядка. Некоторые из кандидатов настойчиво призывают людей выйти на улицы, если результаты голосования не будут в их пользу. Так в этом понимании демократии? Беспорядки, погромы, насилие...» (см.: *Телеобращение А. Г. Лукашенко от 17.03.2006*: <http://president.gov.by/press10319.html>).